

Хэлфорд Маккиндер Збигнев Казимеж Бжезинский «Петля анаконды». Как заставить Евразию сдаться Серия «Классика геополитики»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54815781
«Петля анаконды». Как заставить Евразию сдаться:
ISBN 978-5-907024-79-3*

Аннотация

Стратегия «Петля анаконды» впервые была сформулирована в ходе Гражданской войны в США генералом Скоттом, командующим армией северян. Суть стратегии состояла в том, чтобы блокировать с моря и по береговым линиям вражеские территории, отрезая от доступа к портам и добиться, в результате этого, стратегического истощения противника. Впоследствии стратегия «Петля анаконды» вышла на геополитический уровень – с ее помощью США и Великобритания намеривались ослабить евразийские державы (в том числе Россию), выводя из-под контроля этих государств береговые территории и не допуская интеграции в границах континента.

Один из ведущих западных геополитиков англичанин Хэлфорд Дж. Маккиндер развил эту стратегию вначале на

практике, когда будучи Верховным комиссаром на юге России во время интервенции 1918–1920 годов осуществлял план «Белая периферия против красного центра», – а затем в своих теоретических работах. Дальнейшее развитие стратегия «Петля анаконды» получила в трудах известного американского политического деятеля Збигнева Бжезинского, чьи произведения также представлены в данной книге.

Содержание

Хэлфорд Маккиндер	6
Введение	6
Расширение мирового пространства	11
Хартленд	15
«Россия-хартленд»	24
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Хэлфорд Маккиндер, Збйгнев Бжезйнский «Петля анаконды». Как заставить Евразию сдаться

© Бжезинский З. (Brzeziński Z.), правообладатели, 2018

© Перевод с английского М. Тимофеева, В. Цымбурского,
С. Баринаова, В. Куршакова, И. Окунева, 218

© ООО «Издательство Родина», 2018

Хэлфорд Маккиндер
«Хартленд» и битва цивилизаций
(из работ «Демократические идеалы
и реальность», «Географическая
ось истории», «Обретение
мира». Перевод М. Тимофеева,
С. Баринаова, В. Кушакова,
И. Окунева, В. Цымбурского)

Введение

Мое самое раннее воспоминание о политических делах восходит к сентябрьскому дню 1870 г., когда я – маленький мальчишка, только что пошедший в местную грамматическую школу, – принес домой новость, которую узнал из телеграммы, прибитой на двери почтового отделения: о том, что Наполеон III и вся его армия сдались пруссакам под Седаном. Это стало потрясением для англичан, психологически еще не расставшихся с эпохой Трафальгара и [наполеоновского] отступления из Москвы, но по-настоящему значе-

ние совершившегося было осознано лишь спустя годы. Ведь еще никто не оспаривал господства Британии над океаном, и единственную опасность для своей заморской империи она видела в это время в азиатском курсе России. В этот период английские газеты были скоры на раскрытие свидетельств русской интриги в каждом слухе из Константинополя и в каждой племенной заварушке на протяжении северо-западной индийской границы. Британская морская мощь и российская сухопутная мощь твердо владели центром международно-политической сцены.

Тридцать лет спустя, на грани веков, фон Тирпиц приступил к строительству океанского флота Германии. В то время я занимался организацией преподавания политической и исторической географии в Оксфордском и Лондонском университетах и за текущими событиями следил обобщающим взглядом преподавателя.

Германская динамика означала, — для меня это было очевидно, — что нация, уже располагавшая величайшей организованной сухопутной мощью и занимавшая центральную стратегическую позицию в Европе, стремилась дополнительно обеспечить себе еще и морскую мощь, достаточную, чтобы нейтрализовать мощь Великобритании. Соединенные Штаты также неуклонно вырастали в великую державу. Но пока их возрастание можно было измерить лишь по статистическим таблицам; хотя кое-кто в пору моего детства уже пребывал под сильным впечатлением от американ-

ской изобретательности: например, я вспоминаю висевшую в нашей классной комнате картинку с битвой между «Мэримаком» и «Монитором» – между первым броненосцем и первым кораблем с башенной артиллерией. Так Германия и Соединенные Штаты поднимались бок о бок с Британией и Россией.

Событиями, из которых непосредственно произросла идея хартленда, стали английская война в Южной Африке и российская война в Маньчжурии. Южноафриканская война закончилась в 1902 г. А к весне 1904 г. Русско-японская война уже виделась неминуемой. Таким образом, доклад, который я прочитал в начале этого года в Королевском Географическом обществе, под названием «Географическая ось истории», был вполне на злобу дня, – но за ним стояли долгие годы наблюдений и раздумий.

Контраст между английской войной против буров, развернувшейся за океаном в 6000 миль (от метрополии), и войной, которую предприняла Россия на сходном расстоянии (от своей метрополии) за сухопутными протяженностями Азии, естественно вызвал в памяти историческую параллель – подобный же контраст между Васко да Гама, огибающим по конец XV века мыс Доброй Надежды на пути в Индию, и рейдом казака Ермака во главе его конников за Уральский хребет в Сибирь в начале XVI века. В свою очередь, это второе сопоставление вело к обзору длинного ряда набегов, вершившихся в классической древности и в Средневековье

пастушескими племенами Центральной Азии против оседлых обитателей «полумесяца субконтинентов» – против европейского полуострова, против Среднего Востока, против Индии и против того же Китая. Мое заключение было таково: «...в нынешнее десятилетие мы впервые в состоянии провести, с достаточной законченностью, корреляцию между крупнейшими географическими и крупнейшими историческими обобщениями. Впервые мы можем воспринять хоть в какой-то мере реальные пропорции явлений и событий на всемирной сцене и в состоянии подыскать формулу, которая выразила бы пусть лишь определенные аспекты географической обусловленности во всеобщей истории. И если нам повезет, эта формула могла бы иметь практическую ценность, поместив в (должную) перспективу некоторые из соревнующихся сил текущей международной политики».

Слово «хартленд» [«средоточие»] впервые появилось в этой работе 1904 г., но лишь мимоходом и на правах описательного выражения, а не в качестве термина. Вместо него там использовались обороты «осевое пространство» и «осевое государство». Например: «Опрокидывание силового баланса в пользу осевого государства, ведущее к экспансии последнего в окраинные земли Евро-Азии, позволило бы использовать обширные континентальные ресурсы для строительства флота – и затем глазам нашим могла бы предстать мировая империя. Так могло бы случиться, если бы Германия в качестве союзницы присоединилась к России. Бы-

ло бы полезным особо подчеркнуть, что замена российско-го контроля над внутренним пространством континента на какой-либо новый контроль не вела бы к уменьшению географической значимости осевого местоположения. Если бы, к примеру, китайцы, организованные японцами, вознамерились бы низвергнуть Российскую империю и завоевать ее территорию, они могли бы представить “желтую опасность” для мировой свободы именно тем, что присоединили бы выход на океан к ресурсам великого континента».

Под конец Первой мировой войны в Лондоне и Нью-Йорке вышла моя книга «Демократические идеалы и реальность». Очевидным образом ярлык «осевого» [пространства или государства], достаточно уместный для академического тезиса начала века, более не отвечал международной обстановке, которая возникла из этого первого великого кризиса (по ходу) нашей мировой революции; отсюда – «идеалы», «реалии» и «хартленд». Но то, что тезис 1904 г. (хотя мне и пришлось принять в соображение и привнести дополнительные критерии) все-таки составил удовлетворительную основу для оценки расклада, создавшегося 15 лет спустя, – этот факт внушал уверенность: искомая формула найдена.

Расширение мирового пространства

На тысячу лет католические христиане были как будто бы заключены в тюрьму на Латинском полуострове и его при-датке – Британском острове. На 15 сотен миль (по прямой) северо-восточнее простирается океаническое побережье от Священного Мыса древних до узкого пролива Копенгагена, и на 15 сотен миль восточнее (тоже по прямой) находится извилистое побережье Средиземного моря от Священного Мыса до Константинополя. Меньший полуостров продолжает основной от каждого пролива, Скандинавия с одной стороны и Малая Азия – с другой; а позади образованных таким образом участков суши сформировались две бухты – Балтийское и Черное моря.

Непроторенный океан лежал на западе, и другой, холодный, океан – на севере. На северо-востоке находились бесконечные сосновые леса и реки, текущие или к забитым льдами устьям в Арктическое море, или к внутренним водам, подобно Каспийскому морю, обособленным от океана. Только на юго-востоке находились пригодные оазисные тропы, ведущие во внешний мир, но они были в большей или меньшей степени закрыты с VII до XIX столетия арабами и турками.

После безрезультатных попыток норвежцев проложить путь через северные льды Гренландии португальцы предприняли попытку найти морской путь к Индиям вокруг бере-

гов Африки. Они были подвигнуты на это рискованное предприятие принцем Энрике Мореплавателем, наполовину англичанином и наполовину португальцем. На первый взгляд кажется странным, что лоцманы, подобные Колумбу, которые потратили свои жизни на каботажные плавания, часто ходя от Венеции к Британии, должны были столь долго откладывать исследование южного направления от точки, где они вышли к проливу Гибралтар. Еще более странным кажется, что когда наконец они поставили перед собой задачу открыть очертания Африки, это отняло два поколения почти ежегодных плаваний, прежде чем да Гама открыл дорогу в Индийский океан.

Относительно транзита в Индию мир был огромным мысом, расположенным к югу от промежутка между Британией и Японией. Этот Мировой мыс был окружен морской силой, подобно мысам Греции и Латиума прежде: все берега были открыты для торговых кораблей или для атак с моря. Моряки, естественно, выбрали для местных торговых и военных баз небольшие острова вне континентального побережья, такие как Момбаса, Бомбей, Сингапур, Гонконг, или небольшие полуострова, как Мыс Доброй Надежды и Аден, поскольку эти позиции давали убежище их кораблям и охрану складам. Став смелее и сильнее, они основали торговые города, такие как Калькутта и Шанхай, около входа крупных речных путей в плодородные и густонаселенные торговые земли. Таким образом, европейские моряки благодаря

своей большей мобильности имели превосходство на четыре столетия над жителями Африки и Азии.

Мировой остров расположен на плече земли с разворотом к Северному полюсу. Проводя замеры от полюса к полюсу по центральному меридиану Азии, мы сначала имеем тысячу миль покрытого льдом моря вплоть до северного берега Сибири, потом пять тысяч миль земли до южной точки Индии и далее семь тысяч миль до антарктической шапки, также покрытой льдом земли. Но если мерить вдоль меридиана Бенгальского залива или Аравийского моря, Азия простирается всего на три с половиной тысячи миль. От Парижа до Владивостока шесть тысяч миль, и от Парижа до мыса Доброй Надежды такое же расстояние; но эти измерения проводятся на шаре с длиной окружности в двадцать шесть тысяч миль. Если бы не помехи для кругосветной навигации, практикующие моряки уже давно бы говорили о Великом Острове, используя подобное название, поскольку он составляет по размеру всего лишь чуть больше одной пятой от размеров их океана.

Внешне, без сомнения, есть существенное сходство симметрии Старого и Нового Света: каждый состоит из двух полуостровов, Африки и Евразии в одном случае и Северной и Южной Америк в другом. Но нет никакого реального сходства между ними. Северное и северо-восточное побережья Африки примерно на четыре тысячи миль так тесно связаны с противоположными берегами Европы и Азии, что Са-

хара составляет куда более эффективный разрыв в социальной коммуникации, чем Средиземноморье.

Три так называемых новых континента в точке пространства являются только сателлитами старых континентов. Есть один океан, покрывающий девять двенадцатых земной поверхности; есть один континент – Мировой Остров, – покрывающий две двенадцатых; и есть множество более мелких островов, из которых Северная и Южная Америки являются, для практических целей, двумя вместе покрывающими оставшуюся одну двенадцатую. Термин «Новый Свет» включает в себе, как мы можем видеть сейчас, исходя из реалий, а не из исторических обстоятельств, неверную перспективу.

Хартленд

Итак, четыреста лет тому назад мировосприятие человечества изменилось всего за какое-то десятилетие благодаря открытиям мореплавателей-первопроходцев Х. Колумба, Васко да Гамы и Ф. Магеллана. Сама идея единства Мирового океана, прежде только предполагавшаяся из-за схожести вод Атлантического и Индийского океанов, теперь стала частью общедоступного знания. Подобный перелом происходит и в наше время в быстром воплощении в жизнь идеи единства Суши благодаря развитию современных средств сообщения по земле и по воздуху. Жители Моря слишком медленно осознают происходящие сейчас изменения.

Давайте начнем с того, что обобщим наши знания, ведь только так мы сможем основательно понять подлинную сущность континентальной стратегической мысли. Когда вы размышляете о глобальных вещах, вам следует мыслить общими категориями; так, например, командир полка мыслит категориями рот, генерал дивизии – категориями бригад. Для того чтобы начать составлять наши собственные «бригады», нам нужно углубиться в географические подробности.

Северная окраинная часть Азии – это недоступная с моря область, огражденная льдами, если не считать узкого прохода, который появляется здесь между берегом и морем в результате таяния местных льдов и простирается вдоль всего

побережья в течение короткого летнего периода.

Получается, что три величайшие реки мира – Обь, Енисей и Лена – несут свои воды на север через всю Сибирь, но являются фактически оторванными от морской и речной навигации. Южная Сибирь – это огромная территория, покрытая множеством соленых озер, но не имеющая выхода в открытый океан. Реки Волга и Урал впадают в бессточное Каспийское море, а Сырдарья и Амударья впадают в бессточное Аральское море. Географы часто называют эти внутренние бассейны «континентальными». Регионы речного стока Арктической и Южно-Сибирской части Евразии дают вместе около половины всего стока Азии и четверть стока Европы и формируют пространства огромной протяженности в срединной и северной частях Евразийского континента. Эта территория, простирающаяся от покрытого льдами плоского сибирского побережья до знойных обрывистых берегов Белуджистана и Персии, практически недоступна с моря. Освоение территории, где прежде не было никаких дорог, путем развития железнодорожного и авиационного сообщения коренным образом меняет отношение людей к большим географическим пространствам. Назовем эту огромную территорию – Хартленд, или Сердцевинная Земля.

Северная, центральная и западная части Хартленда – равнинные территории, которые возвышаются всего на несколько сотен футов над уровнем моря. Эти крупнейшие в мире по площади низменные территории включают Западную Си-

бирь, Туркестан, Европейский бассейн реки Волги до Уральских гор, которые, несмотря на свою протяженность, не достигают существенной высоты и заканчиваются в трехстах милях к северу от Каспийского моря, представляя собой широкие ворота из Сибири в Европу. Назовем эту необозримую равнину – Великая Низменность.

Хартленд, Аравия и Сахара вместе образуют широкий изогнутый пояс, доступный с моря только вышеупомянутыми тремя аравийскими морскими путями. Этот пояс простирается через целый континент – с Арктики до Атлантического побережья. В Аравии он достигает Индийского океана и, как следствие, делит оставшуюся часть Суши на три отдельные области, где реки впадают в незамерзающий океан. Этими областями являются побережье Тихого и Индийского океанов в Азии; полуострова и острова в Европе и в Средиземноморье и огромная выступающая часть Африки к югу от Сахары. Мы можем рассматривать внутреннюю часть Африки как второй Хартленд. Назовем его Южный Хартленд, в противоположность Северному Хартленду – Евразии.

Несмотря на разницу широт, у этих двух Хартлендов существуют поразительные сходства. Огромный лесной пояс по большей части вечнозеленых сосново-еловых лесов простирается от Северной Германии и Балтийского побережья до Маньчжурии, связывая леса Европы и леса на Тихоокеанском побережье в единый пояс. К югу от этой лесной зоны Хартленд остается как бы открытым, деревья здесь рас-

тут только по берегам рек или высоко в горах. Эта обширная открытая территория представляет собой роскошные степи, протянувшиеся вдоль южной границы лесов, изобилующие полевыми цветами в весеннее время, а к югу, где повышается аридность этих земель, травяной покров становится грубее и скуднее. Все пастбищные земли, богатые или бедные, называются степями, несмотря на то что это название относится только к наименее плодородным южным участкам земли, окружающим пустынные земли Туркестана и Монголии. Степи, видимо, были естественной средой обитания лошадей, а в южной части – двугорбого верблюда.

За пределами Аравии, Сахары и двух Хартлендов остается только два сравнительно малых региона на Мировом Острове, но эти регионы являются, пожалуй, самыми важными на всей планете. Вокруг Средиземного моря, на полуостровах и островах Европы, проживает около 400 миллионов человек, а на южном и восточном побережьях Азии, известных как Ост-Индия, живет около 800 миллионов человек. Таким образом, в двух этих регионах проживает порядка трех четвертей мирового населения. С нашей современной точки зрения наибольшее значение имеет тот факт, что четыре пятых населения Великого Континента, Мирового Острова, проживает в двух регионах, которые, вместе взятые, образуют всего лишь пятую часть его площади.

Оба Побережья богаты землями, пригодными для ведения сельского хозяйства и благодаря этому способными про-

кормить большое количество людей.

* * *

Европа и Ост-Индия — это территории земледельцев и мореплавателей, несмотря на то что территории Северного Хартленда, Аравии и Южного Хартленда по большей части все еще остаются нераспаханными и недоступными для судов, бороздящих открытое море. С другой стороны, они естественным путем подготовлены для перемещения наездников на лошадях и верблюдах, с их стадами крупного скота и отарами овец. Даже в саваннах тропической Африки, где отсутствуют лошади и верблюды, благосостояние местного населения также во многом зависит от крупного скота и овец. Конечно, это широкие обобщения со множеством частных исключений; но они, как бы то ни было, соответствуют действительности и довольно хорошо подходят для описания столь огромных географических пространств.

Степи начинаются в центре Европы там, где Венгерская равнина полностью окружена кольцом гор, покрытых лесами, Восточными Альпами и Карпатами. В настоящее время пшеничные и кукурузные поля по большей части вытеснили росшие здесь некогда дикие травы, но сто лет назад, до того как железные дороги сблизили рынки сбыта, к востоку от Дуная была ровная, подобно морской глади, степь, а благосостояние венгров во многом зависело от лошадей и круп-

ного рогатого скота.

Далее Тавр и Динарские Альпы представляют собой обрывистые фасады Средиземного и Адриатического морей соответственно, между тем направляя свои длинные реки в Черное море. Если бы не Эгейское море, разрывающее нагорья, выходящие к Черному морю, и если бы не Дарданеллы, чье течение направлено на юг с водами всех черноморских рек, эти высокие внешние фасады Тавра и Динарских Альп были бы единым извилистым хребтом, краем продолжительного препятствия, отделяющего внутреннее Черное море от внешних – Средиземного и Адриатического. Если бы не Дарданеллы, тот край мог оформить границу Хартленда и Черного моря, и все его реки были бы отнесены к «континентальной» системе стока.

Еще далее, за пределами лесистых Карпатских гор начинаются степи основного пояса, простирающиеся далеко на восток, они доходят до Черного моря на юге и до границы лесов России на севере. Границы лесного пояса, пересекающего Русскую равнину, довольно извилистые, но в целом они проходят с севера Карпат на пятидесятой параллели до подножья Уральского хребта на пятьдесят шестой параллели. Москва находится внутри лесного пояса неподалеку от его границы, где расположены обширные расчищенные участки леса, на которых проживало абсолютное большинство населения России до недавней колонизации степей, находящихся к югу.

Леса, покрывающие края Уральских гор, образуют своеобразный выступ на юг, врезааясь в открытые степи. Однако степи продолжаютя через проход на равнине, ведущий из Европы в Азию между Уральским хребтом и северной оконечностью Каспийского моря. За этим проходом зона степей разрастается снова, но уже достигая ширины, превосходящей ту, которую она занимала в Европейской части. К северу от степей снова идут леса, но к югу теперь лежат пустыни и полупустыни Туркестана. Транссибирская магистраль проходит по степной зоне, начиная от Челябинска, станции на восточном склоне Уральских гор, где сходятся железнодорожные ветки из Петрограда и Москвы, и заканчивая Иркутском на реке Ангаре, чуть ниже места ее вытекания из озера Байкал. В значительной степени пшеничные поля начинают замещать степи вдоль всей железнодорожной ветки, однако сеть постоянных населенных пунктов все же очень мала, а татарские и киргизские кочевники все еще постоянно мигрируют на обширной территории.

Край лесной зоны изгибается к югу и проходит вдоль границы между Западной и Восточной Сибирью, а в Восточной Сибири она представляет собой покрытые лесом горы и холмы, постепенно понижающиеся в направлении от Трансбайкальского плато к северо-восточной оконечности Азии и Берингову проливу. Степная зона изгибается к югу вместе с лесной зоной и простирается на восток через нижнюю часть Монгольского нагорья. Она поднимается в высоту в направ-

лении от Великой низменности до Монголии и заканчивается «Сухим проливом» Джунгарии, между горами Тянь-Шаня на юге и Алтайскими горами на севере.

За пределами Джунгарии степи продолжают уже в гористой местности между южной частью лесистых Алтайских и Забайкальских гор и пустыней Гоби к югу от них, достигая верхних притоков Амура. Вдоль восточных склонов Хинганского хребта, где Монгольское нагорье переходит в Маньчжурскую низменность, снова протянулись леса, но за ними расположились последние обособленные степи в Маньчжурии, которые можно сравнить с обособленными степями Венгрии, находящимися в пяти тысячах миль отсюда – на западном краю степной зоны. Однако степная Маньчжурия не выходит к Тихоокеанскому побережью, здесь прибрежные горные хребты, покрытые густым лесом, занимают все открытые пространства, достигая устья Амура на севере.

* * *

Таким образом, Хартленд для целей стратегического значения включает в себя Балтийское море, срединное и нижнее течения Дуная, пригодные для судоходства, Черное море, Малую Азию, Армению, Персию, Тибет и Монголию. Внутри него, таким образом, были Бранденбург-Пруссия и Австро-Венгрия, как и Россия – обширная тройственная база людского ресурса, которого недоставало конным вой-

скам Суши на протяжении всей истории. Хартленд является реальной физической составляющей Мирового Острова; подобно самому Мировому Острову, он находится посреди Мирового океана, хотя все же его границы прослеживаются не столь четко.

Хартленд – это регион, к которому при современных условиях морские державы могут потерять доступ, несмотря на то что западная его часть находится вне регионов арктического и континентального стоков.

«Россия-хартленд»

Наиболее важный контраст, заметный на политической карте современной Европы, – это контраст между огромными пространствами России, занимающей половину этого континента, с одной стороны, и группой более мелких территорий, занимаемых западноевропейскими странами, – с другой.

С физической точки зрения здесь, конечно, налицо еще подобный же контраст между нераспаханными равнинами востока и богатствами гор и долин, островов и полуостровов, составляющих в совокупности остальную часть этого района земного шара. При первом взгляде может показаться, что в этих знакомых фактах предстает столь очевидная связь между природной средой и политической организацией, что едва ли стоит об этом говорить, особенно если мы упомянем, что на Русской равнине холодной зиме противостоит жаркое лето, и условия человеческого существования приносят, таким образом, в жизнь людей дополнительное единообразие. И тем не менее несколько исторических карт, содержащихся, например, в Оксфордском атласе, покажут нам, что приблизительное совпадение европейской части России с Восточно-Европейской равниной не случайно и возникло не за последние сто лет, а имело место и в более ранние времена, когда здесь существовала совершенно иная тенденция в поли-

тическом объединении. Две группы государств обычно разделяли эту страну на северную и южную политические системы.

Дело в том, что орографические карты не выражают того особого физического своеобразия, которое до самого последнего времени регулировало передвижение и расселение человека на территории России. Когда снежный покров постепенно отступает на север от этих обширных равнин, его сменяют дожди, на побережье Черного моря особенно сильные в мае и июне, однако в районе Балтики и Белого моря чаще льющие в июле и августе. На юге царит долгое засушливое лето. Следствием подобного климатического режима является то, что северные и северо-западные районы покрыты лесами, чьи чащи изредка перемежаются озерами и болотами, в то время как юг и юго-восток представляют из себя бескрайние травянистые степи, где деревья можно увидеть лишь по берегам рек. Линия, разделяющая эти два региона, идет по диагонали на северо-восток, начинаясь у северной оконечности Карпат и заканчиваясь скорее у южных склонов Урала, нежели в его северной части. Москва лежит севернее этой линии, находясь, иными словами, на лесистой стороне.

Россия и Польша возникли на лесных прогалинах. Вместе с тем сюда начиная с V по XVI столетие через степи из отдаленных и неведомых уголков Азии направлялась в створ, образуемый Уральскими горами и Каспийским морем, непрерывная череда кочевников-туранцев: гунны, авары, болгары.

ры, мадьяры, хазары, печенеги, куманы, монголы, калмыки.

Вероятно, самым долговременным и эффективным в русских степях было расселение хазар – современников великого движения сарацин: арабские географы знали Каспий, или Хазарское море. Но в конце концов из Монголии прибыли новые орды, и на протяжении двухсот лет русские земли, расположенные в лесах к северу от указанных территорий, платили дань монгольским ханам, или «Степи», и, таким образом, развитие России было задержано и деформировано именно в то время, когда остальная Европа быстро шагала вперед.

Следует также заметить, что реки, выбегающие из этих лесов и текущие к Черному и Каспийским морям, пересекают весь степной путь кочевников и что время от времени вдоль течения этих рек происходили случайные встречные по отношению к перемещениям этих всадников движения. Так, миссионеры греческой церкви поднялись по Днепру до Киева, как незадолго до того спустились по той же самой реке на своем пути в Константинополь северяне-варяги. Еще раньше германское племя готов появилось на короткое время на берегах Днестра, пройдя через Европу от берегов Балтики в том же юго-восточном направлении.

Но все это – проходные эпизоды, которые отнюдь не сводят на нет более широкие обобщения. На протяжении десяти веков несколько волн всадников-кочевников выходило из Азии через широкий проход между Уралом и Каспийским

морем, пересекая открытые пространства юга России, и, оседая в Венгрии, попадали в самое сердце Европы, внося таким образом в историю соседних народов момент непрямого противостояния: так было в отношении русских, германцев, французов, итальянцев и византийских греков. То, что они стимулировали здоровую и мощную реакцию вместо разрушительного противодействия в условиях широко распространенного деспотизма, стало возможным благодаря тому, что мобильность их державы была обусловлена самой степью и неизбежно исчезала в окружении гор и лесов.

* * *

Пока «морские» народы Западной Европы заполняли поверхность океана своими судами, направлявшимися в отдаленные земли, и тем или иным образом облагали данью жителей океанического побережья Азии, Россия организовала казаков и, выйдя из своих северных лесов, взяла под контроль степь, выставив собственных кочевников против кочевников-татар. Эпоха Тюдоров, увидевшая экспансию Западной Европы на морских просторах, лицезрела и то, как Русское государство продвигалось от Москвы в сторону Сибири. Бросок всадников через всю Азию на восток был событием, в той же самой мере чреватым политическими последствиями, как и преодоление мыса Доброй Надежды, хотя оба эти события долгое время не соотносили друг с другом.

Можно провести одну любопытную параллель между преимуществом западноевропейских мореплавателей на морских просторах и одновременным преимуществом русских казаков в степях Хартленда. Казак Ермак с войском начал поход через Урал в Сибирь в 1533 г., который продолжался в течение двенадцати лет, то есть после кругосветного плавания Магеллана.

Вслед за казаками на сцене появилась Россия, спокойной расставшаяся со своим одиночеством, в котором она пребывала в лесах Севера. Другим же изменением необычайного внутреннего значения, происшедшим в Европе в прошлом столетии, была миграция русских крестьян на юг, так что если раньше сельскохозяйственные поселения заканчивались на границе с лесами, то теперь центр населения всей Европейской России лежит к югу от этой границы, посреди пшеничных полей, сменивших расположенные там и западнее степи. На протяжении XIX столетия царская Россия разрассталась внутри Хартленда и стала угрожать всем окраинным территориям Азии и Европы.

Еще поколение назад казалось, что пар и Суэцкий канал увеличили мобильность морских держав в сравнении с сухопутными. Железные дороги играли главным образом роль придатка океанской торговли. Но теперь трансконтинентальные железные дороги изменяют положение сухопутных держав, и нигде они не работают с большей эффективностью, чем в закрытых центральных районах Евро-Азии, где на об-

ширных просторах не встретишь ни одного подходящего бревна или камня для их постройки. Железные дороги совершают в степи невиданные чудеса, потому что они непосредственно заменили лошадь и верблюда, так что необходимая стадия развития — дорожная — здесь была пропущена.

Относительно торговли не следует забывать, что при океаническом ее способе, хотя и относительно дешевом, обычно товар прогоняется через четыре этапа: фабрика-изготовитель, порт погрузки, порт выгрузки и товарный склад в пункте продажи, в то время как континентальная железная дорога ведет прямо от фабрики-производителя на склад импортера. Таким образом, посредническая океанская торговля ведет, при прочих равных условиях, к формированию вокруг континентов зоны проникновения, чья внутренняя граница грубо обозначена линией, вдоль которой цена четырех операций, океанской перевозки и железнодорожной перевозки с соседнего побережья равна цене двух операций и перевозке по континентальной железной дороге.

Российские железные дороги протянулись на 6000 миль от Вербаллена на западе до Владивостока на востоке. Русская армия в Маньчжурии являет собой замечательное свидетельство мобильной сухопутной мощи, подобно тому как Британия являет в Южной Африке пример морской державы. Конечно, Транссибирская магистраль по-прежнему остается единственной и далеко не безопасной линией связи, однако не закончится еще это столетие, как вся Азия покроется

сетью железных дорог. Пространства на территории России и Монголии столь велики, а их потенциал в отношении населения, зерна, хлопка, топлива и металлов столь высок, что здесь несомненно разовьется свой, пусть несколько отдаленный, огромный экономический мир, недостижимый для океанской торговли.

* * *

Социальная революция не изменила отношения России к великим географическим границам ее существования. Для наших нынешних целей будет достаточно корректным сказать, что территория СССР эквивалентна Хартленду во всех направлениях, кроме одного. И чтобы отграничить это исключение — исключение поистине великое! — прочертим прямую линию, примерно в 5500 миль длиной, с востока на запад — от Берингова пролива до Румынии. В трех тысячах миль от Берингова пролива эта линия пересечет реку Енисей, текущую от границ Монголии на север — в Арктический океан. На восток от этой великой реки в основном лежит глубоко изрезанная страна гор, плоскогорий и (межгорных) долин, почти сплошь из конца в конец покрытая хвойными лесами; я буду называть ее «землей Лены» («Леналенд») по главной ее примете, великой реке Лене. Эта земля не входит в Россию-хартленд. Россия «земли Лены» объемлет пространство в три и три четверти миллиона квадратных миль,

но с населением лишь около шести миллионов человек, из коих почти пять миллионов обосновались вдоль трансконтинентальной железной дороги, от Иркутска до Владивостока. На оставшейся части этой территории имеем в среднем свыше трех квадратных миль на каждого обитателя. Богатые природные запасы – лес, водная энергия и полезные ископаемые – все еще практически не тронуты. К западу от Енисея лежит то, что я описал как «Россию-хартленд», – равнина, простершаяся на 2500 миль с севера на юг и на 2500 миль с востока на запад.

Простейший и, пожалуй, самый эффективный способ представить стратегически значимые параметры российского хартленда – это сравнить их с такими же параметрами Франции. Но в случае с Францией исторический фон составит Первая мировая война, а в случае с Россией – Вторая мировая война.

Подобно России, Франция – компактная страна, одинаково протяженная в длину и в ширину, но не столь удачно округленная, как хартленд, и потому имеющая, пожалуй, меньшую территорию в пропорции к длине той границы, которую надо защищать. Ее всю, за исключением северо-востока, обрамляют море и горы. В 1914–1918 гг. у нее не было враждебных стран за Альпами и Пиренеями, а флот Франции и ее союзников господствовал на морях. Французская армия и союзные силы, развернутые так, чтобы перекрывать открытый северо-восточный участок границы, были, следо-

вательно, хорошо защищены с обоих флангов и имели надежный тыл. Те стратегические «ворота» на равнинном северо-востоке, через которые столько армий, подобно приливам и отливам, изливались в страну и из нее, имеют в ширину 300 миль между Вогезами и Северным морем. В 1914 г. линия фронта, упираясь в Вогезы как в точку опоры и вращения, была повернута назад, к Марне. На исходе войны, в 1918 г., она развернулась вперед, но точка опоры осталась неизменной. Хотя за четырехлетний отрезок времени этот эластичный фронт гнулся и проседал, он не был прорван – даже несмотря на великий германский штурм весной 1918 г. Таким образом, вполне подтвердилось, что внутри страны было достаточно пространства и для глубокой обороны, и для стратегического отступления. Однако, к несчастью для Франции, ее основной промышленный район приходился на тот ее северо-восточный сектор, где завязалась нескончаемая битва.

Россия воспроизводит в основных чертах паттерн Франции, но в укрупненном масштабе и с границей, открытой на запад, а не на северо-восток. В тылу у нее – огромная равнина хартленда, подходящая и для глубокой обороны, и для стратегического отступления. А еще дальше эту равнину замыкает на востоке природный крепостной вал, образуемый «недоступным» арктическим побережьем, пустошами земли Лены за Енисеем и горной цепью от Алтая до Гиндукуша, за которой и Гоби, и тибетские, и иранские пустыни. Эти три

заграждения – широкие и весьма вещественные, далеко превосходящие в своем оборонном значении те побережья и горы, которыми окаймлена Франция.

Правда, арктическое взморье уже более не является недоступным в том абсолютном смысле, в каком это выражение было в силе до самых последних лет. Караваны кораблей, подкрепленные могучими ледоколами и самолетами, разведывающими водные проходы между массами плавучего льда, уже проложили торговые маршруты рек Оби и Енисея и даже самой реки Лены; но вражеское вторжение через огромное пространство приполярных льдов, через мшистые тундры и таежные леса Северной Сибири представляется почти невозможным ввиду советской воздушной обороны наземного базирования.

* * *

Завершая сопоставление Франции и России, рассмотрим относительные величины некоторых параллельных данных. Россия хартленда четырехкратно превосходит Францию по населению и четырехкратно – шириной открытого сектора границы, но двадцатикратно – площадью. Итак, открытая часть границы вполне пропорциональна российскому населению; и чтобы совладать с шириной советского развертывания, гитлеровская Германия была вынуждена разжигать свой более ограниченный человеческий потенциал менее

эффективным контингентом, привлекаемым ею из подвластных стран. Но в одном важном отношении Россия начинала свою вторую войну с Германией не в лучших условиях, чем те, что были у Франции в 1914 г.: как и у Франции, ее наиболее развитые сельское хозяйство и промышленность лежали прямо на пути захватчика. Вторая пятилетка должна была исправить это положение дел, — окажись только германская агрессия отсрочена хотя бы на пару лет. Пожалуй, в этом состоял один из резонов для Гитлера — разорвать свой договор со Сталиным в 1941 г.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.